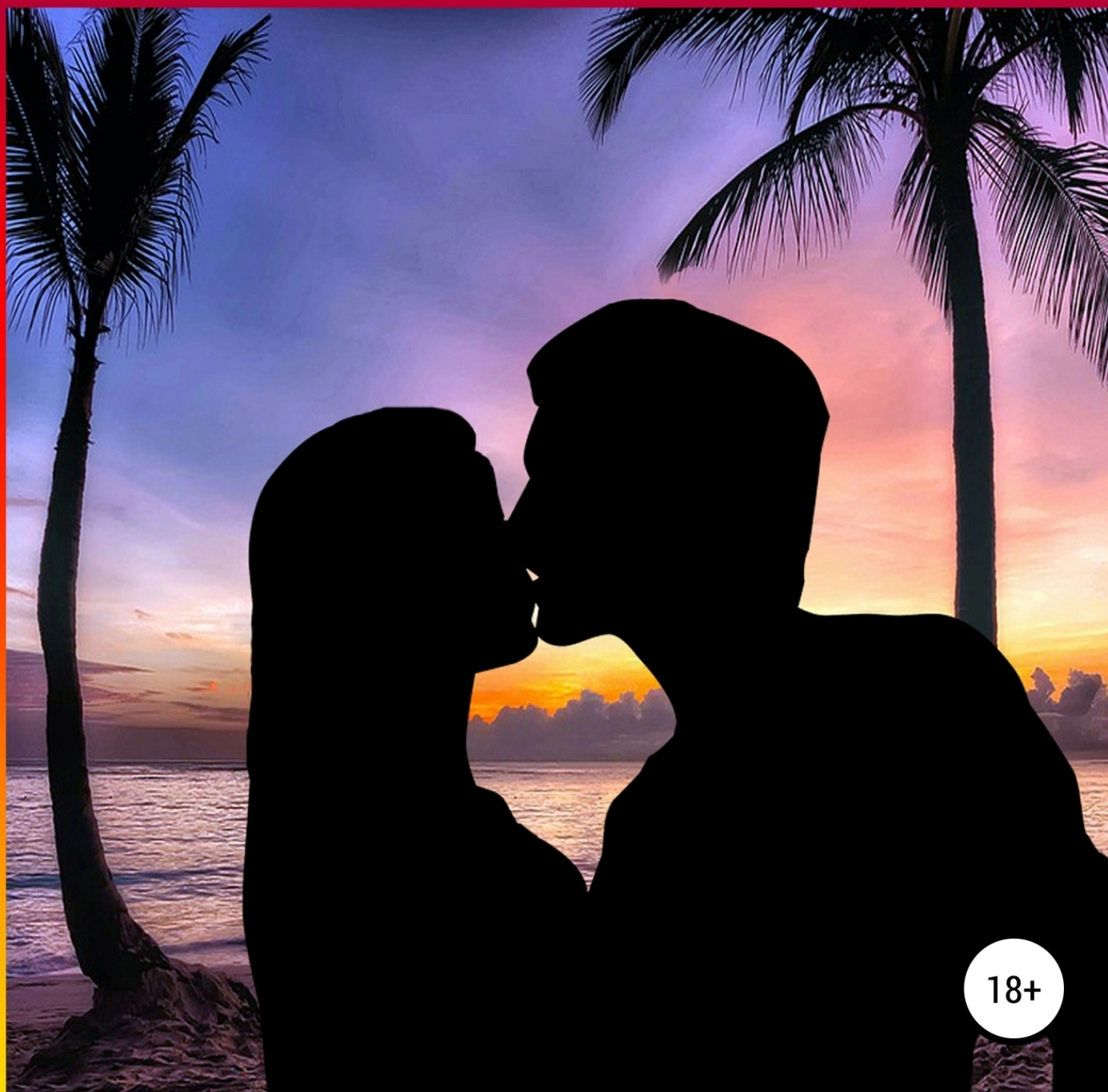

Аристарх Барвихин

ТАЙНЫ

ТРОПИЧЕСКОГО РАЯ

18+

Аристарх Барвихин

Тайны тропического рая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Барвихин А.

Тайны тропического рая / А. Барвихин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Любовно-приключенческий роман о молодом человеке Билле Сноу, волею судьбы ставшим вождем индейского племени, затерянного в амазонских джунглях, и пытающимся защитить индейцев от наемников, пришедших в эти края в поисках сокровищ инков, о местоположении которых становится известно Биллу. Чудом уцелев, он разыскивает свою возлюбленную – дочь старого археолога и этнографа – прекрасную Илин.

Содержание

Пролог. Дневник и пистолет.	6
Глава 1. Две ссоры.	9
Глава 2. Золотая индианка.	15
Глава 3. Первый круг познания.	21
Глава 4. Семь заповедей счастья.	27
Глава 5. Ночной гость.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Аристарх Барвихин

Тайны тропического рая

Любовно-приключенческий роман

Сердце имеет доводы, которых не знает разум.

Блез Паскаль

В восемнадцать лет мужчина сразу обожает, в двадцать любит, в тридцать желает обладать, в сорок размышляет.

Поль де Кок

Пролог. Дневник и пистолет.

Он сидел в старом глубоком кресле перед камином и смотрел на огонь. За окном ослепительно-яркое солнце клонилось к вечеру, к последнему вечеру, который он назначил себе в этой дурацкой и никому уже теперь ненужной жизни. Бутылка виски была наполовину пуста, но хмель его не брал. Он выпил еще и раскрыл толстую тетрадь в твердой кожаной обложке с серебряной застежкой. Эту тетрадь много лет назад ему подарила мать, подарила в тот день, когда ему стукнуло четырнадцать.

– Когда-нибудь ты будешь доверять этой тетради все свои сердечные переживания, – сказала она ему тогда полушутя-полусерьезно, – а пока можешь записывать в нее все, что посчитаешь особенно важным. Поверь мне, наступит время, когда ты с удовольствием будешь перечитывать свою собственную историю.

Бедная мама, она и предположить не могла, какие приключения переживет эта тетрадь вместе с ним, впитывая подобно губке все то, что он видел, что чувствовал и что постигал на своем пути к этому креслу у камина, стоящему рядом с резным старинным столиком красного дерева, на котором у початой бутылкой виски лежала тяжелая пятнадцатизарядная «Беретта», полная смертоносного металла и терпеливо ждущая его нажатия на спусковой крючок.

Когда-то давно, еще до начала мировой войны, его родители, сбежавшие от надвигавшихся нацистов, уже вплотную подходивших к их родной Праге, совсем маленьким привезли его сюда, в Южную Америку, вместе с сестрой. Тогда же семья инженера Йозефа Словака или Джона Слоу, как назвал себя на американский манер его отец, пренебрежительно взиравший на «всех этих чумазных мулатов и прочих негров», поселилась на берегу океана в маленьком провинциальном городке неподалеку от столицы. Вскоре предприимчивый чех купил там же на вывезенные из Европы ценности и деньги небольшую текстильную фабрику, единственную во всей округе.

Он же, Болеслав Словак или Билл Слоу, как звали его все окружающие, хотя и был сыном своего отца, но в отличие от него никогда не делил людей на белых и небелых. По счастью судьба поначалу смиростивилась над семейством Словаков, так что первые годы жизни на чужбине им не пришлось познать горестей нищеты. Так могло продолжаться еще долгое время, ели не всегда, однако фабрика вскоре после войны пришла в упадок и в конце концов обанкротилась, перестав держаться на плаву благодаря военным заказам.

– Господи! Почему ты отнял у меня все, когда до настоящего успеха оставалось каких-то несколько шагов?! – с такими словами умер его отец, так и не оправившись от сердечного приступа, последовавшего за известием о банкротстве.

На последние деньги, вырученные за продажу нескольких оставшихся ценных вещей, вдова бывшего владельца фабрики приобрела маленький обшарпанный домик на побережье, где сейчас в кабинете огромной виллы, выстроенной на месте «крысиного убежища», как называла свою лачугу его мать, он, Билл Слоу, и сидел, молча уставившись в камин, в котором потрескивали дрова, нагревая и без того горячий тропический воздух, не охлаждаемый даже кондиционером. Но он любил этот старомодный камин, который регулярно и с удовольствием топил, вспоминая их дом в Праге, длинные зимние вечера с идущим за окнами снегом, музыкой и чтением книг вслух.

Сделав еще один глоток виски, он раскрыл свой старый дневник на самой первой странице и принялся перечитывать сделанные собственной рукой записи, медленно листая историю своих удивительных приключений, о которых теперь кроме него самого не знал ни один человек. Только своему дневнику мог он доверить историю о встреченном им затерянном в сельве тропическом рае, о золотом троне инков, о фее Илин и еще о множестве других вещей на свете, о которых знал теперь только он сам.

Кому он мог поведать все это? Да и кто мог ему поверить? Теперь же, когда ничего уже нельзя было изменить, а тем более вернуть, перед его внутренним взором благодаря дневниковым записям проходили люди, нашедшие смерть там, где хотели найти спасение, и горе там, где мечтали найти счастье или хотя бы отдохновение. Благодаря Биллу и его дневнику, охота за которым не прекращалась, как он догадывался, и по сей день, люди эти все еще продолжали жить. А он... он все оттягивал неминуемую роковую минуту, давая всем этим мертвецам счастливую возможность воскреснуть в лабиринтах его памяти и на страницах, заполненных его рукой.

Однако по мере того, как глаза его бежали по длинной паутине слов, собирающихся в строки, он все более отчетливо понимал, что как ни старался он занести сюда все, что только было можно доверить страницам этой заветной тетради, еще больше осталось за пределами ее исписанных мелким почерком страниц. Что же было там, между строк? Голос Властелина, рассказывающего ему, тогда еще совсем молодому юноше, о семи заповедях счастья, дивный, ни с чем не сравнимый блеск золота в райском саду, звуки и картины жизни своего нового народа и его гибель, лица его прекрасных юных жен и гибель его врагов и преследователей, а еще самолет, улетающий от него навсегда и уносящий в неизвестность его последнюю в жизни любовь...

Проходила минута за минутой, час сменился другим и третьим, а Билл Слоу читал и читал, что некогда поведал этой толстой тетради с серебряной пряжкой, где первые страницы, исписанные аккуратным детским почерком, постепенно сменялись на все более и более резкий почерк взрослого человека.

Наконец он закончил читать, добравшись до последней записи. И тут часы на камине стали бить три раза, напоминая о том, что уже поздняя ночь. Он протер уставшие глаза, достал из кармана свой старый любимый «Паркер» и занес его над последними страницами дневника, такими же чистыми, какой была его душа миллион лет тому назад, когда он, совсем тогда юный, доверил этой заветной тетради первое откровение своей чистой детской души.

Билл Слоу на мгновение помедлил, держа руку на весу, потом опустил ее и стал писать быстро, почти не останавливаясь. Когда же он, наконец, внес в тетрадь свою последнюю запись, стало светать. Наступал новый день. И лучи восходящего солнца проникли через огромные окна и упали на последние слова его дневника. Он вполне мог доверить эти записи солнцу, глядшему сейчас исписанные страницы нежными пальцами еще нежарких утренних лучей. Ибо оно одно не могло проговориться его врагам и выдать его тайну. Пройдет совсем немного времени, и оно, это жаркое солнце южных морей, вступит в свои права горячего диктатора полдня, за которым не должно было последовать вечера. По крайней мере для него, Билла Слоу, хозяина этой роскошной виллы, горделиво возвышающейся над окрестными пляжами, почти всегда пустынными в этих почти забытых Богом и людьми краях.

Закончив писать, он взял пистолет, привычным движением снял его с предохранителя и хотел уже было вставить его дулом в рот, но остановился, решив еще раз перечитать сделанную им последнюю запись, последнюю не только в его дневнике, но и во всей его быстро катящейся к концу жизни. Он отложил пистолет, взял дневник и, перелистнув несколько страниц назад, снова побежал глазами по только что написанным им строкам.

«Большинство из нас никогда не теряли своего «я» только потому, что никогда не обрели его, – гласила эта запись. – Мало кто понимает, что наделен своей собственной и ни на кого не похожей сутью. Люди большей частью напоминают мне одинаковые гвозди из одного общего для всех гвоздей ящика. Разве что один гвоздь еще длинный, ровный и блестит новизной, а другой весь искривился и покрылся ржавчиной. Вот и вся между ними разница.

Зачем я хватаюсь за эту бессмысленную жизнь, зачем я продлеваю дни, нанизывая их как одинаковые блеклые бусины на длинную нить. Зачем, зачем мне ждать старости? Чтобы

она холодной неумолимой волной затопила жар моего тела? И что тогда? Сидеть на веранде и предаваться воспоминаниям, от которых рвет на части и без того не спокойную душу?

Когда-то, в самом начале этой истории, я был дивным чистым мальчиком, чье любопытство было так очаровательно. Но... проклятое время... увы, оно выжгло мою невинность, потому сейчас я стал больше похож на стареющего Казанову, закончившего свою жизнь смотрителем библиотеки в продуваемой ветрами холодной комнате старого замка. Пусть так, пусть! Но ведь я был когда-то счастлив, я испытал и познал такое, что многим недоступно и неведомо. Я еще не старик, я еще свеж и силен, я стал опытен как никто другой в этом мире, но что из того? Ведь почему-то именно в эту пору и появилась неодолимая и необъяснимая тоска. Откуда она, с чем она связана, как ее побороть? По чему же, по кому я тоскую сейчас, когда с немыслимой ранее скоростью получаю все, что хочу?

О небо! К тебе, к тебе я взываю со дна своей бездны. Неужели моя единственная доля – ощупывать в непроглядной тьме нестерпимо одинокого существования слепыми пальцами изверившейся души последнюю стену перед пропастью, плутая в лабиринтах бесконечного отчаяния? Неужели останусь я трусливо тянуть свое прозябание на расстоянии шага от чистого источника всех блаженств? Зачем мне жить в этом мире, где я просто никчемный червь, ползающий по пустыне? Не должно ли мне подняться из пыли к звездам – ведь всего вытянутая рука отделяет меня от пистолета, который один может приблизить меня к долгожданному земному концу. Быть может там, в загробье осчастливит меня Создатель возможностью встретиться наконец с моими возлюбленными и друзьями. Ибо должны же Его ангелы, охранявшие меня все это время и не давшие погибнуть там, где погибли все остальные близкие мне люди, должны же они почтить мое терпение! А потому я смело иду к Тебе, Боже, я иду к тебе, в трепетной надежде встретить в Твоих чертогах всех, памятью о ком терзается мое искровавленное сердце».

Кончив читать последнюю сделанную им запись, Билл Слоу взял пистолет и снова засунул его стволом в рот, на этот раз твердо намереваясь нажать на спусковой крючок, он вдруг ясно услышал такой знакомый женский голос, необыкновенно мягкий и ласковый, каким он помнился им всегда, голос, который звал его откуда-то из глубины дома:

– Болли, Болли...

Голос этот, несомненно, принадлежал Илин, его Илин, ибо она одна в этом мире звала его так. Но Боже! Ведь ее уже давно не было в живых! Он резко повернулся в ту сторону, откуда слышался ему ее голос, и увидел в дверях кабинета силуэт своей единственной и как ему казалось безвозвратно потерянной возлюбленной. От неожиданности он вздрогнул, вскочил ей навстречу, но тут перед ним все задрожало, закружилось, дыхание у него перехватило, и он упал навзничь на ковер, выпустив пистолет, весело блеснувший зеркальной стальной поверхностью в лучах восходящего тропического солнца.

Глава 1. Две ссоры.

– Ну как ты, поедешь на праздник в столицу или нет? – поинтересовался Диего и ткнул Билла Сноу в бок.

– Не знаю, Ди, – пожал плечами Билл. – Отец не хочет меня брать с собой. Говорит, что еще рано.

– Рано! – рассмеялся Диего, весело блестя глазами. – В твои годы я уже давно начал.

Билл ничего не ответил, почему-то смутившись и почувствовав в словах своего старшего приятеля какой-то полунамек на что-то смутное, непристойное, но от этого не ставшее менее желанным и волнующим.

Они уже с полчаса сидели на траве у старого дерева и болтали.

Диего Рамирес или просто Ди для близких и друзей, был старше Билла года на два, а это в их краях что-то да значило. В округе его побаивались. И побаивались не зря. Диего кому угодно давал сдачи, благо что силенок у этого парня хватало. Так что дружба с ним очень льстила Биллу, которому едва стукнуло шестнадцать и которого не очень жаловали в округе. Он не очень любил шумные ватаги, драки и попойки втихаря от родителей, чем отличались все его сверстники. Так что верховодил в их отношениях всегда Диего, а Биллу оставалось лишь ему подчиняться, что и делал он можно сказать без особого насилия над собой. Нагловатый и ловкий Диего был для Билла, сына хозяина единственной в их краях фабрики, кумиром, чем, по правде сказать, частенько пользовался в своих интересах, периодически вытягивая из Билла деньги.

– Жаль, что твой отец не берет с собой, – произнес Диего. – А то бы погулял всласть. Карнавал это здорово!

– Да ладно, – махнул рукой Билл. – Я и без него могу погулять всласть.

– Ну, да? И как же это? – хитро прищурился Диего.

– На старый пирс пойду, там клев хороший.

Старый пирс был их излюбленным местом на побережье, где мало кто бывал из взрослых, и где они с детства спокойно играли, рыбачили, купались голышом и вообще весело проводили время.

– На старый пирс сегодня не ходи, – вдруг произнес Диего твердо.

– Почему это? – удивился Билл. – Разве это не наше общее место? Или ты его купил?

Билл редко спорил с Диего, но сейчас в тоне его приятеля было что-то командирское, назидательное и противно-взрослое.

– Место-то общее, но ты все равно не ходи туда, – посоветовал Диего и как-то странно посмотрел на Билла.

– А чего так?

– Сказал – не ходи, значит, не ходи. Понял?

– Ну ладно, как скажешь, – несколько озадаченно произнес Билл и пожал плечами. – А ты сам-то поедешь на праздник?

– Не, у меня другой праздник намечается, – ухмыльнулся Диего и пояснил: – Нынче у нас свиданка с Зябкой. Вот так-то.

Зябкой звали самую красивую девушку в округе. Изабель Фуэнтес была единственной дочерью управляющего фабрикой, принадлежащей отцу Билла. Многие ребята увивались за ней, но особенно было видно, что больше всего это удавалось Диего. Да и кто еще мог с ним сравниться?

– Разве она не поехала с отцом в город? – любопытствовал Билл. – Туда все наши с фабрики собрались. Специально два автобуса пригнали.

– Нет, она наврала, что натерла ногу. Хотя натерла она совсем другое место! – Диего громко рассмеялся и хлопнул себя по ляжке. – Знаешь, как с ней здорово! – он мечтательно зажмурился, потом ткнул вдруг оробевшего Билла в бок и добавил: – Не дрейфь, у тебя тоже такого будет вдоволь, когда вырастешь.

– А я и так уже не маленький, – обиделся Билл. – Мне в прошлом месяце уже шестнадцать стукнуло.

– Стукнуло, пукнуло! – хохотнул Диего и вдруг спросил, снова пихнув Билла в бок:

– Ты уже с кем-нибудь пробовал?

Билл покраснел и стал что-то насвистывать, стараясь скрыть смущение и догадываясь, что его приятель намекает на какие-то отношения с девочками. Но этих самых отношений у Билла еще не было, он даже не знал про них ничего толком.

– Эх ты, бледнолицый! – усмехнулся Диего. – У вас, у белых, всегда всё не так.

– У тебя самого не так, – огрызнулся Билл.

– Ладно, не обижайся, я пошутил, – примирительно произнес Диего и похвастался:

– А я этим делом уже давно занимаюсь, когда мы с тобой еще и не дружили.

– Ну и как, нравится тебе? – спросил Билл, стараясь не показывать свою робость.

– Не захочешь ничего другого, – ухмыльнулся его приятель и добавил: – Скоро сам все узнаешь. Хватит тебе за мамкину юбку держаться. Наши все уже попробовали, один ты у нас один нецелованный ходишь.

– Да я как-то и не очень... – хотел было что-то сказать Билл, но не договорил и замолчал, снова покраснев.

– Эх, белый парень, белый парень, – вздохнул Диего. – У вас в Германии что, все такие робкие?

– Я не немец, я чех, – поправил его Билл.

– А чехи что, не умеют девчонок щупать? – рассмеялся Диего и добавил примирительно: – Ладно, научу, если не умеешь. Надо же когда-нибудь начинать. Пойми ты: пока молодой, погулять надо всласть. Потом некогда будет. Вот у тебя много баб было?

Билл смущенно промолчал.

– Ага, ни одной не было, – догадался Диего. – Но сопلي-то из банана давно льются. Так ведь?

– Чего? – удивленно посмотрел на него Билл. – Какие сопли?

– Да известно какие, по ночам, – ухмыльнулся его приятель. – Особенно когда малышки-голышки сняты.

– А ты откуда знаешь? – изумленно уставился на Диего Билл, пораженный тем, что тот знает про его недавнюю болезнь, которая стала беспокоить его последние месяцы, пачкая простыню после того, как по ночам ему действительно вдруг стали сниться бесстыдно голые женщины.

От этих совершенно новых для него снов почему-то сладко щемило сердце, к тому же после них он все время стал просыпаться от острого блаженства, омрачаемое мыслями о том, что не заболел ли он какой-нибудь болезнью, ведь раньше ничего такого с ним не было? Но сейчас, когда Ди спросил его об этом, он вдруг смутно стал догадываться, что вовсе это не болезнь, а что-то новое, неизведанное им доселе.

Диего на его вопрос только пожал плечами и, ухмыльнувшись, произнес:

– Это у всех бывает, когда мужиками становятся. Но учти, ты теперь запросто можешь какой-нибудь девчонке ребенка заделать.

– А ты-то откуда все это знаешь? – посмотрел с уважением на своего более взрослого и, видимо, более опытного приятеля, Билл, несколько пораженный осведомленностью Диего в таких ему еще пока недоступных вещах.

– Да уж знаю, – произнес самодовольно тот, покровительственно похлопав его по плечу. – И ты скоро узнаешь.

От произнесенных Диего слов сердце у Билла заколотилось, в голове зашумело. Как? Неужели и у него когда-нибудь случится ЭТО? Неужели и он сможет быть таким, как Диего?

– Слушай, а ты Зябку случайно сегодня не видел? – поинтересовался приятель Билла. – Все утро ее ищу и нигде найти не могу.

– Нет, не видел, – признался Билл.

– Ладно, пойду, поищу ее, – Диего встал. – Если увидишь где, скажи ей, чтобы ждала меня здесь, – он указал на то место, где только что сидел сам.

И он ушел, оставив Билла одного.

Не прошло и нескольких минут, как Билл увидел Зябку. Она была в нарядном коротком платье и в блузке, подчеркивающих ее красивое, налитое молодым соком тело.

– Зябка! – окликнул ее Билл. – Иди сюда!

– Зачем это? – любопытствовала она.

– Тут тебя Диего по всему поселку ищет. Сказал, если увижу, то...

– То что?

– Чтобы ты тут его подождала, – Билл указал на место, где еще совсем недавно сидел Диего.

– Ладно, подожду, – проговорила та и уселась на землю рядом с ним.

Некоторое время они сидели молча.

– Скучный ты какой-то, – проговорила девушка. – Кинул он тебя, да?

– Кто? – не понял Билл.

– Да Диего.

– Почему кинул?

– Потому что деньги берет, а отдавать и не собирается.

Билл смутился: так все оно и было.

– Ага, что я говорила! – рассмеялась Зябка. – Он правильно с вами, сопляками, так делает. Со всех собирает, а мне отдает.

– Тебе? Почему тебе? Ты ведь ему не жена.

– Когда деньги дает – еще какая жена, – усмехнулась Зябка.

– Как это? – не понял ее слов Билл.

– Как, как, как у взрослых. Или у кошек с собаками. Кувыркаемся да лапаемся. С Диего здорово! Он ведь большой, и между ног у него тоже большой, не то, что у вас, мальцов. У меня прямо сердце заходится, когда он меня ТАМ тискает.

От откровенности Зябки у Билла вдруг заколотилось сердце.

– Что покраснел-то как барышня? – с вызовом сказала она. – Боишься, что не сможешь как он? Эх, ты соплячок-дурачок. Ладно, пойду-ка я поищу Диего. С тобой мне ловить нечего, – она встала. – Хотя если денег найдешь, то я с тобой тоже поиграюсь, – она вдруг задрала короткую юбку прямо перед его лицом и показала ему край трусов. – Хочешь поглазеть, что там у меня под трусами – тащи деньги, а так – фигушки.

Билл смутился снова и отвернулся, хотя ему сейчас больше всего на свете не хотелось этого делать.

Зябка оправила юбку и ушла, нарочито повиливая бедрами и насвистывая веселый мотивчик. Вскоре поблизости снова появился Диего.

– Диего! – окликнул Билл своего приятеля.

– Ну что, не видел мою кралю? – поинтересовался тот. – Как сквозь землю провалилась.

– Она здесь была недавно, – ответил Билл, показывая на траву рядом, где совсем недавно сидела Зябка.

– Вот черт! Ты хоть сказал ей, что я ее ищу?

– Сказал, но она все равно куда-то потопала.

– А я уж подумал, что она с тобой закрутила, – усмехнулся Диего, усаживаясь рядом с Биллом. – Ладно, подожду ее здесь. Надоело по поселку без толку мотаться. Ничего, найдется, никуда не денется, – проговорил он уверенным голосом и добавил с усмешкой: – особенно когда разденется.

Диего расхохотался, оголив белые ровные зубы. Посмеявшись, он добавил уже серьезно:

– Только ты особо губы на нее не раскатывай – у тебя с ней все равно ничего не выйдет.

– Почему это? – насупился Билл.

– Да потому что денег у тебя на нее не хватит. А без денег она с тобой не пойдет.

– Ага, а с тобой пойдет, – зло проговорил Билл.

– Со мной точно пойдет. И с другими мужиками, у кого кошелек деньжатами набит.

– Как это? – поразился Билл словам приятеля. – Она что, за деньги, что ли?!

– А ты папашу своего спроси, он тебе всё подробно расскажет.

– Ты что, сдурел?! – возмутился Билл.

– Ничего я не сдурел. Точно тебе говорю: у них уже давно шуры-муры.

– Не может такого быть! – воскликнул Билл, все еще не веря своим ушам.

– Как не может, когда она чуть ли не со всем поселком живет? – криво усмехнулся

Диего. – С кем за деньги, с кем так. Она тут у нас главная давалка из всех.

– Эй, Ди, ты меня искал? – раздался голос приближающейся к ним Зябки.

– Чего так долго-то?! – недовольно проговорил Диего.

– Че? – отозвалась та.

– Че, че... Обыскался я тебя. Все ноги отбил.

– Главное чтобы другое не отбил, – рассмеялась она. – Ну что, прогуляемся до старого пирса? – произнесла она, обращаясь к Диего.

– У тебя что-то было с моим отцом? – поинтересовался Билл, обращаясь к Зябке. – Говори сейчас же!

– Отстань от нее! – сильным грубым голосом проговорил Диего. – Сказал, что было, значит было.

– Черт тебя дерит, – не успокаивался Билл. – Ты не хочешь заткнуться?

– И не собираюсь, – Диего самодовольно улынулся.

Билл подошел к нему вплотную, протянул было руку, чтобы скрыть эту его самодовольную улыбку, но тут же передумал и съездил Диего по лицу. Тот не раздумывая ответил Биллу, ударив его в скулу, а потом в ухо.

От боли Билл охнул и присел.

– Ну его, пойдем лучше на пирс, – сказала Зябка, обращаясь к Диего, взяла его под руку и потащила прочь.

Придя в себя, Билл поклонился по опустевшему поселку, но потом не выдержал и все-таки отправился к старому заброшенному пирсу на дальней окраине бухты. Он почему-то чувствовал, что именно там, в таких хорошо знакомых ему прибрежных зарослях, которые до этого служили им местом для игр и развлечений, сейчас происходит что-то очень важное, совсем недетское и этим влекущее его к себе как магнит притягивает железные опилки.

Берег вокруг пирса был пуст. Да и как могло быть иначе? Все сейчас устремились в горд, где праздник ежегодного карнавала уже входил в свои права.

Едва Билл углубился в чащу, как вдруг услышал где-то в глубине её какие-то шорохи и приглушенные голоса. Песок делал его шаги неслышными, что позволило ему подобраться поближе. Сердце его стучало в предчувствии чего-то волнующе-необычного, и это предчувствие его не обмануло.

Укрывшись за стволом пальмы и осторожно, стараясь не шуметь, он раздвинул руками ветки кустарника и сразу же увидел Диего и Изабель, стоящих к нему боком. Диего прижался всем телом к спине девушки и без удержу и стеснения тискал её.

От этого зрелища у Билла закружилась голова. Не успели они дойти до самого главного, как Билл почувствовал, как его охватило уже знакомое ему сладкое волнение. От опьянившего его острого возбуждения вперемешку с болью стыда, он бросился прочь, спотыкаясь и размазывая льющиеся по щекам слезы. Всю дорогу домой он плакал, проклиная себя за то унижительное положение, которое, как ему казалось, он пережил, подло подглядывая за Диего и Зябкой, что как настоящие взрослые любили сейчас друг друга там, где никто не должен был их видеть. Он плакал и от ставшей такой острой зависти к ним, оставившим позади свое детство: ведь он, такой нескладный и глупый, все еще пребывал в нем, а потому сейчас стеснялся его. К тому же ему вдруг стало страшно от внезапно надвинувшейся на него взрослости.

Добравшись домой, он наткнулся на свою сестру Эмми, которая была на три года его старше и всегда понимала его больше, чем мать с отцом. Но сейчас ему было не до нее, ему хотелось поскорее проскользнуть к себе, чтобы скрыться от всего мира.

Эта его поспешность не ускользнула от Эмми, как называли его сестру все в доме, поэтому она последовала за ним в его комнату.

– Что с тобой, Боек? – мягко поинтересовалась она, взяв его за плечо, но он оттолкнул ее, что никогда раньше не делал, и упал на кровать, зарывшись лицом в подушку.

Эмми села рядом с ним, наклонилась и, щекоча его прядкой волос, тихо спросила:

– Боек, ты чего это, а?

Ее теплое, почти материнское участие растрогало его, размягчило, он всхлипнул и тяжело вздохнул.

– Тебя кто-нибудь обидел, малыш? – прошептала она, глядя его по голове. – Ты чего такой сегодня?

– Никакой я не малыш и никто меня не обидел! – мотнул он головой. – Просто я несчастный и глупый, и никому я не нужен, – вдруг произнес он сквозь слезы, почувствовав ужасную жалость к самому себе.

– Тогда что с тобой такое? – не унималась Эмми и стала гладить его по голове как маленького. – И что это у тебя ухо такое красное? И синяк на щеке. Подрался с кем-то, да?

– Оставь меня в покое! – вдруг неожиданно даже для себя самого огрызнулся он, отталявая ее руку.

– Ну, как знаешь, – миролюбиво произнесла сестра, встала и вышла из комнаты.

Был уже поздний вечер, а они с Эмми все еще сидели на кухне и болтали о том, о сем.

– Ладно, братик, – сказала она, зевнув и прикрыв рот ладонью, – давай-ка помоги мне убрать со стола. А то мне еще посуду мыть. Прислуги сегодня нет, она вся на празднике, так что будем справляться сами.

– Иди, иди, – милостиво предложил Билл, – я сам всё уберу и помою.

– Какой ты милый, – проворковала сестра, чмокнула его в щеку и выпорхнула из столовой.

Когда родители вернулись с праздника, отец поинтересовался, показывая на ухо Билла и на синяк на его щеке:

– Что это у тебя?

– Так, поцапался кое с кем, – уклонился от прямого ответа Билл.

– Надо учиться решать все дела мирно, – назидательно проговорил отец. – Терпеть не могу насилие. Оно аморально. Я вот никогда ни с кем не дрался. И тебе не советую.

– А все остальное в жизни ты тоже делал правильно и морально? – поинтересовался Билл, прямо глядя отцу в глаза.

– Ты про что это? – не понял его тот.

– А про то, что у тебя... что у тебя... – Билл не в силах был продолжить.

– Что у меня? Ты про что?

– Про то, что там у вас с Изабель Фуэнтес... – наконец решился Билл. – Или у тебя с ней ничего нет?

– Это просто никуда не годится, – сказал отец.

– Что не годится? – спросил Билл, заметив смущение отца. – Та-а-ак, значит всё это правда.

Отец был явно растерян от его слов. Наконец он совладал с собой и сказал, глядя куда-то в сторону мимо Билла:

– Понимаешь, некоторые женщины даны нам для души, как твоя мама, а другие – для боли. Потому что те, которые для души, к великому сожалению, не всегда удовлетворяют наше тело. Поэтому те, которые для боли, спасают наши души.

Билл вскочил с места и злобно выдохнул:

– И ты меня учишь морали?!

– Я... – отец осекся, не найдя подходящих слов.

– Значит, тебе нечего мне сказать? – спросил Билл и с вызовом посмотрел на отца.

– Не буду я ничего говорить, – отозвался тот, – легче все равно не станет. Ты еще мал, все равно не поймешь.

– Ничего я не мал! – огрызнулся Билл. – Мне уже шестнадцать, так что я всё могу понять.!

– Тогда попытайся понять и меня.

– Понять что?

– Пожить хочется, вот что, – отозвался отец. – Понимаешь? Хочется кроме работы хоть что-то еще в этой жизни видеть!

– То, что у Зябки между ног, да? – Билл посмотрел на отца с вызовом.

– Как ты смеешь так разговаривать со мной! – воскликнул его отец. – Кто тебе дал такое право? Ты спасибо должен мне сказать.

– За что?! – воскликнул Билл. – За что я тебе должен сказать спасибо?!

– За то хотя бы, что я тебя кормлю!

– Я сам себя прокормлю! – воскликнул Билл и бросился вон из дома.

Здесь, на улице уже снова кипела жизнь. Но это уже была не его жизнь. Сердце его билось как бешеное, а на грудь словно бы жаба села. Внутри него была пустота. А еще боль и разочарование. Он был в бешенстве, он был в горе. И не знал, что ему делать с собой и с этим миром вокруг.

Глава 2. Золотая индианка.

Он смутно помнил всё, что было с ним дальше. Очнулся он только тогда, когда добрался до знакомого ему убежища в кувтах напротив старого пирса. Вокруг не было ни души. Упав на землю, Билл застонал. Ему казалось, что жизнь его кончилась. Возвращаться домой он не хотел. Да и как он мог вернуться? Идти ему было некуда. И от этой безысходности горло сдавил комок, и брызнули слезы. Выплакавшись, он неожиданно для себя уснул, проснувшись только под утро от какого-то шума. Протерев глаза и зевнув, он прислушался. Вне всяких сомнений это был шум мотора, раздававшийся со стороны океана. Билл осторожно выглянул наружу из своего убежища, раздвинув ветки куста. Прямо перед ним буквально в двух десятках метров стояли трое незнакомцев. В руках одного из них, здорового верзилы, был револьвер. Вдалеке у края прибоа виднелась только что вытасченная на берег длинная лодка с мотором.

Не успел Билл понять что к чему, как стоящий к нему ближе всех незнакомец произнес, обращаясь к тому, что стоял с револьвером в руках:

– Не думай, Хуан, что тебе удастся провести меня на этот раз. Думаешь, я не знаю, сколько это стоит? – с этими словами он потряс рукой с каким-то свертком.

И тут спрашивающий неожиданно ударил держащего револьвер по руке и, не дожидаясь, пока тот упадет на песок, бросился прочь в заросли, пробежав в каких-нибудь трех шагах от Билла и бросив в его сторону сверток. Через несколько секунд в том же направлении промчались и оставшиеся двое.

Едва все трое миновали Билла и скрылись в зарослях, как он подскочил к тому месту на земле, куда упал сверток, схватил его, ощутив странную для такого маленького предмета тяжесть, и со всех ног побежал прочь. Удалившись на достаточное расстояние от опасного места, Билл остановился перевести дух. Развернув материю, он увидел, что держит в руке необыкновенной красоты небольшую, сантиметров двадцать высотой, статуэтку, изображающую стройную нагую девушку. Без всякого сомнения, это было изображение индианки. Работа была такая искусная, что видны были самые мелкие детали, даже отдельные волосы, спускающиеся по ее плечам и перевязанные лентой или ремешком. Глаза девушки были полузакрыты, а по лицу ее блуждала странная улыбка. Статуэтка была глубокого желтого цвета и очень тяжелая. Присмотревшись внимательно, Билл понял, что она золотая...

В последний раз обернувшись в ту сторону, где едва виднелась вдали длинная лодка, в которой приплыли незнакомцы, и где осталось его теперь уже кончившееся детство, Билл вздохнул, завернул статуэтку обратно в материю и пошел прочь, все дальше и дальше уходя от родного крова.

Добравшись до города, он проскользнул в пустой товарный вагон и через сутки был уже далеко от дома, соскочив на какой-то незнакомой станции неподалеку от столицы. С тех пор он мотался по стране, перебиваясь случайными заработками и ночуя где придется. Наконец ему удалось устроиться в магазин продавцом. Его старательность, цепкую память и вежливую манеру обращения с сослуживцами и покупателями заметил хозяин магазина и предложил ему повышение, если Билл останется работать в магазине. Но Билл отказался. Его не прельщала мысль простоять всю жизнь за прилавком. К тому же ему никак не удавалось забыть прошлое. Несколько раз пытался он разузнать что-нибудь о своей семье, но все напрасно. Наконец он решил съездить туда сам. Накопив немного денег и получив расчет, он сел на поезд и отправился к себе домой.

С того самого дня, когда он покинул дом и поднял с земли золотую статуэтку, прошло больше трех лет. Теперь он из угловатого подростка превратился в сформировавшегося красивого юношу, который жаждал вернуться в родные места и одновременно боялся этого.

Он добрался до своего городка рано утром. С колотящимся от волнения сердцем он шел по знакомой улице к родному дому. Но едва свернув за угол, он остановился, замерев на месте. Его дома не было. Вместо него была груда поросшего травой мусора вперемешку с обуглившимися перекрытиями.

Заметив проходящую мимо пожилую женщину, он бросился к ней с расспросами. То, что она рассказала, повергло его в отчаяние. Их фабрика разорилась. Отец не выдержал и покончил жизнь самоубийством. Что стало с семьей женщина не знала, но долгие расспросы в округе помогли ему выяснить, что его мать и сестра перебрались в далекую деревню. Прибыв туда и найдя их новый адрес, Билл оказался перед заколоченным покосившимся домиком на самой окраине. Ничего не говорило о том, что здесь кто-то живет. Обшарив всё вокруг и расспрашивая буквально каждого встречного он, все-таки, узнал судьбу своих близких.

В деревне была единственная старая маленькая церковь и единственное такое же старое кладбище рядом с ней.

Билл все бродил и бродил по нему и, наконец, нашел то, что искал, и что надеялся не найти. Небольшой скромный крест и плита с двумя родными женскими именами и его собственной фамилией рассказали ему всё. Он долго стоял над ними, привыкая к мысли, что потерял всех, кто был ему дорог.

Он упал перед могилой на колени и произнес сквозь хлынувшие ручьем слезы:

– Я грешник... я страшный, ужасный грешник... страдания терзают меня... прости раба твоего за содеянное... Господи, прости!..

Погруженный в тяжелые думы, он не заметил, что рядом с ним стоит человек.

– Вы тоже остались одни? – вывел его из оцепенения приятный мужской голос.

Билл вздрогнул и посмотрел на спрашивающего. На вид тому было лет сорок пять или чуть меньше. Это был высокий хорошо одетый светловолосый мужчина крепкого телосложения. Он стоял чуть поодаль, опираясь на красивую резную трость.

– Почему вас это интересует? – Билл не хотел быть невежливым, но он не любил, когда посторонние вмешивались в его жизнь.

– Просто я тоже из этих мест, – пояснил незнакомец. – И мне кажется, что я вас где-то уже встречал.

– Может быть, – пожал плечами Билл, вставая с колен, и хотел было уже повернуться и уйти, но незнакомец заинтересовался:

– Вам случайно не в город?

– Уж, по крайней мере, не обратно в деревню, – нехотя отозвался Билл, который твердо решил не возвращаться к заколоченной хибаре.

– Тогда позвольте мне предложить вас подвезти. У меня тут автомобиль.

– Что ж, – согласился Билл. – Подвезите, если хотите. Хотя не понимаю, почему вы мне это предложили.

– Вы белый, а это здесь редкость, – отозвался незнакомец. – Ганс Ключе, – он протянул Биллу руку.

Но тот не стал ее пожимать. В ответ на удивленный взгляд незнакомца он пояснил:

– Я не люблю немцев. Именно они загнали нас в эту глушь.

– Не все немцы носили свастику, – мягко улыбнулся человек с тростью. – По крайней мере, в нашей семье ее никто не носил. И не одобрял, – добавил он после паузы.

– После войны все немцы так говорят, – ухмыльнулся Билл и с вызовом посмотрел на своего собеседника.

– Я так говорил и до войны, – произнес тот спокойно. – Ну, так как, поедем? А то уже темнеет.

Они вышли с кладбища и скоро уже ехали по дороге к городу.

– Не бойтесь, я не нацист, – прервал воцарившее молчание Ганс. – Я вообще не люблю политику.

– А что вы любите?

– Я люблю... любовь, – улыбнулся хозяин машины и добавил: – И вообще жизнь как таковую. А вы?

– Я? – Билл задумался на мгновение и произнес: – Когда-то я любил своих родителей и свою сестру. Сейчас, когда их нет, я никого из живых не люблю.

– Хотите, я верну вам это чувство? – Ганс посмотрел на Билла внимательно и серьезно.

– Вы что же, можете повелевать человеческими чувствами? – ухмыльнулся Билл.

– Вы попали в самую точку, – отозвался его собеседник, направив машину по одной из пригородных улиц. – Я дарю людям то, о чем они мечтают всю жизнь и ради чего издревле постоянно воюют друг с другом.

– Вы говорите о любви?

– А разве есть на свете хоть что-нибудь, что может с ней сравниться? Вот мы и приехали, – он остановил машину у маленькой гостиницы. – Сейчас я возьму свои вещи, и мы двинемся дальше. Вас не затруднит мне помочь?

– Разве в гостинице некому это сделать? – несколько удивился Билл.

– Не хочется никого будить. К тому же вещей у меня немного.

– Мистер Кдюге, вас ждут какие-то господа, – обратился к спутнику Билла портье, едва они переступили порог гостиницы.

– Назад! – Ганс вдруг увлек Билла к выходу.

Но в дверях им преградил путь широкоплечий верзила.

– Что, не ожидал нас увидеть? – ухмыльнулся он и выхватил пистолет.

Новый знакомый Билла, увидев перед собой верзилу, вдруг подпрыгнул и ударил его ногой в лицо. Да с такой точностью и силой, что того отбросило назад, и пока он падал, они вдвоем выбежали в раскрытую дверь. Но не успели они выскочить наружу, как на них из темноты кто-то бросился, повалив хозяина машины на землю. Схватив лежащего на земле за горло, неизвестный стал душить его. Но тут Билл выхватил из-за пазухи сверток, сжал его в руке и с силой ударил нападавшего в висок. Тот охнул и стал валиться на бок. Лежащий под ним Ганс выбрался из-под обмякшего тела, вскочил на ноги и бросился прочь, увлекая Билла за собой.

– Быстрее, быстрее, мой мальчик! – крикнул он. – Иначе нам с тобой придется туго.

Они вскочили в машину, мотор взревел, и вскоре они уже мчались прочь от негостеприимной гостиницы.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил Билла его новый знакомый и потер шею. – Так схватил, что едва концы не отдал.

– Вы ничего не хотите мне рассказать? – поинтересовался Билл.

– Потом, мой юный спаситель, все потом. А пока нам надо побыстрее убираться из города.

Некоторое время Ганс вел машину молча, явно что-то обдумывая. Они выехали из города и помчались по ночному шоссе прочь.

На просьбы Билла пояснить происходящее Ганс пожимал плечами или отшучивался.

Почти три дня они колесили по дорогам страны, изредка позволяя себе несколько часов сна. Однако никаких признаков того, что за ними охотятся, не было.

Чем дальше они удалялись от океана, тем хуже становились дороги и тем реже им попадались автомобили.

Наконец дорога резко ушла в горы, и начался подъем по горному серпантину.

– Голова что-то разболелась, – пожаловался Билл.

– Это от нехватки кислорода. Тут, наверное, километра четыре, а то и больше над уровнем моря. Ничего, ты скоро привыкнешь.

Солнце исчезло, вокруг стелился туман. Показался снег.

Они коротко пообедали в придорожной харчевне, и снова отправились в путь. К вечеру они прибыли в небольшой городок.

– Скоро мы будем дома, – сказал Ганс. – Кстати, поскольку мы очень высоко забрались, то первое время лучше тебе не употреблять алкоголь, не переедать и не переутомляться. И много пить. Обильное питье способствует быстрому привыканию к такой высоте. Курильщику лучше выкуривать не больше 1-2 сигарет в 3-4 часа и не слишком затягиваться.

– Я не курю, – сказал Билл.

– И хорошо. Иначе будет кружиться голова. Также стоит избегать резких движений – все движения должны быть равномерными и плавными. Отлично помогает «мате де кока» – чай из листьев коки. Надо будет его приготовить по прибытии.

Наконец машина свернула на едва заметную грунтовую дорогу и через некоторое время подъехала к высокому каменному забору.

– Вот мы и на месте, – произнес с облегчением Ганс, когда они вылезли из машины у парадных дверей похожего на средневековый замок огромного дома. – Это моя вилла «Вилинорес». Кстати, а у тебя хороший удар. Свалил этого негодяя с одного раза. Ты случайно боксом не занимался?

– Я его ударил вот этим, – усмехнулся Билл и достал из-за пазухи сверток.

– Что это? – поинтересовался Ганс.

Билл развернул материю, внутри которой оказалась та самая золотая статуэтка, которую Билл подобрал у океана несколько лет назад. Едва Ганс взглянул на статуэтку, как глаза его расширились от изумления.

– Господи! – взволнованно проговорил он. – Откуда у тебя это? Расскажи мне всё, это очень важно. Поверь мне, очень.

И Биллу пришлось рассказать своему новому знакомому о том, что предшествовало его появлению у старого пирса в тот самый день, когда он нашел статуэтку, и о том, как она к нему попала.

Когда Билл закончил свой рассказ, Ганс поманил Билла за собой:

– Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Они поднялись по широкой мраморной лестнице на второй этаж и вскоре очутились в огромном кабинете. Ганс сдвинул в сторону одну из деревянных панелей, которыми был обшиты стены кабинета, и за ней оказалась дверца сейфа. Достав из кармана ключ, Ганс открыл дверцу и выдвинул наружу большой деревянный ящик.

– Помоги мне поставить это на стол, – обратился он к Биллу.

Взявшись за боковые ручки ящика, они с трудом приподняли его и еле дотащили до стола.

Хозяин дома открыл ящик ключом и стал вынимать оттуда золотые статуэтки, изображающие людей. Все они были похожи на ту, что была у Билла.

Расставив их на столе, он протянул руку к Биллу и попросил:

– Не одолжишь мне на минутку свою красавицу?

Билл снова вытащил на свет сверток и развернул его, передав статуэтку Гансу. Тот поставил ее рядом с остальными и произнес:

– Ну и как тебе коллекция?

Билл ничего не ответил, пораженный тем, что его статуэтка явно была похожа на те, что стояли рядом с ней на столе. Это все были сплошь изображения обнаженных людей в весьма откровенных позах. Судя по лицам, все они были индейцы.

– Что это? – наконец произнес Билл. – В жизни ничего подобного не видел, – признался Билл, пораженный как откровенностью изображаемых сцен, так и тонкой работой неизвестного мастера, удивительно точно передавшего пластику тел и выражение лиц индейцев.

– И вряд ли увидишь, – почему-то с грустью вздохнул Ганс и добавил после некоторой паузы: – Впрочем, пути господни неисповедимы. Если ты не возражаешь, пусть твоя золотая подруга побудет со своими соплеменниками. Тем более, что они давно не виделись. Как только она тебе понадобится, я тебе ее сразу же верну. Поверь мне, так будет лучше всего. И помни: никто в этом доме кроме тебя и меня этой коллекции не видел и не знает о ней. И пусть так будет и дальше.

Пока Билл рассматривал статуэтки, то почувствовал, что от них ему передалось буквально источаемое ими возбуждение. Это смутило его, и он отвернулся, что не ускользнуло от взора Ганса.

– Ты не должен лишать себя того, ради чего мы все созданы, – произнес Ганс. – Настало твое время, когда тебе не придется ограничивать себя во всем. Скажи мне честно, разве любовь – это не радость?

– Радость, – признался Билл, – но... сейчас мне любить некого.

Увидев, что Билл сделался после этих слов грустным, хозяин дома сказал:

– Не печалься. Ты слишком молод и слишком здоров, чтобы пребывать постоянно в унынии. Не беспокойся, я помогу тебе избавиться от излишнего стыда. И от излишнего семени тоже.

Билл покраснел. Ему было неловко от того, что Ганс говорит с ним о том, что волновало его все годы скитаний. Ведь за то время, пока он странствовал вне дома, он не был близок ни с одной женщиной, изредка снимая напряжение при помощи рук. Но все это было совсем не то. И он сам понимал это. Ганс словно бы почувствовал охватившую его неловкость, потрепал его по руке и сказал:

– Пойми, вот сейчас, в эту самую минуту бесчисленные миллионы юных девушек и милых дам, лишенные жарких ласк, скрывшись от всех, тайно предаются самовозбуждению и мечтают о любви... А до нее рукой подать... Ведь эту любовь им можешь подарить ты. Ибо ты один сможешь утолить испепелившую их жажду струей своей живительной влаги. Ведь тебе хочется этого?

Билл молчал.

– Разве тебе не хочется снова увидеть их тайные прелести? – голос Ганса был мягок. – Но тайные для кого? Для других или для них самих? И то и другое. И вместе с тем и ни то и ни другое. Вот что ты должен понять прежде, чем снова побываешь внутри них: они хотят того же самого, чего хочешь и ты. И все у тебя будет, как и полагается. Если только тебя не задавит «трамвай желания», – усмехнулся он.

– Трамвай желания? – удивленно посмотрел на него Билл.

– Так можно перефразировать название пьесы Тенесси Уильямса, – пояснил Ганс. – Недавно появилась. Увидишь, когда повзрослеешь. И испытаешь всё, что должен испытать, – добавил он. Так что давай не будем тяготиться бесконечными терзаниями. К чему все эти зачем, что будет потом, что о нас скажут другие. Знаешь, в чем наша основная беда? Мы слишком современные люди, слишком! У нас так много рефлексий и ненужных вопросов! Какая-нибудь девочка, валяющаяся на соломе или шкуре где-нибудь в пещере каменного века, была куда счастливее нас, теперешних: она просто хотела и также просто получала то, что хотела. И у нее никогда не было вопроса – зачем. Для нее был важен только один вопрос – с кем. Почему бы и нам не поставить его перед собой? Тогда мы получим единственно правильный ответ. Посмотри на эту картину, – он показал на висящее на стене рядом с ними полотно.

На нем была изображена удивительной красоты обнаженная девушка, спящая в лесу и стыдливо прикрывшаяся рукой.

– Красиво, – отозвался Билл и отвернулся в смущении.

– Признайся, разве ты не видишь под ее нежной ладошкой того, что хочешь видеть больше всего? – поинтересовался Ганс. – И чем больше такая вот нимфа хочет скрыть свою

тайну, тем больше ты стремишься в нее проникнуть. Потому что нет ничего слаще запретного рая, чьи тайны так нас манят к себе. Нам ведь всегда больше всего хочется того, что нельзя. Так уж мы, люди, устроены. И глупо с этим бороться. Да и зачем? Не отворачивай от картины взора, посмотри на нее. Тем более, что это картина, а не реальность. Посмотри на нее, не бойся. Подойди к ней поближе.

Билл послушался Ганса и подошел к картине.

– Видишь – девушка на этой чудесной картине вовсе тебя не стесняется и совсем не краснеет, – произнес его собеседник. – Ну, прикрылась слегка ладошкой, так что? Это забитый в ее чудную головку элемент воспитания, ничего больше. Инстинкт, первобытный инстинкт говорит ей как раз обратное: вот стоит перед ней красивый молодой человек, у которого на нее тоже стоит. Так зачем же вам обоим стесняться того, что вы обоюдно хотите? Глупости это всё. Скажи, ты бы хотел соединиться с ней, будь она живая?

Билл утвердительно кивнул головой и вздохнул

– Я часто вот о чем думаю, – продолжил Ганс. – Не потому ли мы готовы крушить все преграды на пути к запретному плоду, что он нам недоступен? Чем больше женщина задрапирована, тем она желаннее. Заметь, почему-то ни у кого нет эрекции в семейной бане. Ты не находишь это странным?

– Не знаю, – пожал плечами Билл. – Я как-то не очень задумывался об этом.

– А ты задумайся, – посоветовал Ганс, убирая стоящие на столе статуэтки в ящик.

Они вдвоем с Биллом водрузили ящик на прежнее место сейфе, Ганс запер дверцу, убрал ключ в карман и обратился к Биллу: – Ты, наверное, устал с дороги?

– Если по правде, то есть немного, – признался тот.

– Ладно, мой юный друг и спаситель. Тебе пора отдохнуть. А я позабочусь о том, чтобы ты отдохнул как следует. Это единственное, что я могу для тебя сделать в благодарность за спасение своей трижды никому не нужной жизни.

Ганс направился к двери и сделал Биллу знак следовать за собой.

Глава 3. Первый круг познания.

Вскоре они оказались в небольшой хорошо обставленной комнате, посередине которой помещалась огромная кровать с балдахином.

– Пока это будет твоими апартаментами, – сказал Ганс. – Сейчас уже поздно, так что прими душ и ложись спать. А об остальном не беспокойся. Видишь шнур у кровати. Это колокольчик для слуг. Если что-то понадобится – звони, не стесняйся. Помни: ты в этом доме главный гость. Ничего не бойся, ничему не удивляйся и делай всё, что хочешь.

Едва Билл коснулся головой подушки, как сразу же заснул, сломленный усталостью последних дней.

Проснулся он поздно. Было приятно ощущать прикосновение тонкого шелка постельного белья, в комнате пахло чем-то ароматным, кругом стояла мертвая тишина. Билл потянулся, зевнул, и тут в его дверь постучали.

Это была служанка. Чуть полноватая, невысокого роста, с миловидным лицом и плавными движениями. С виду ей было лет тридцать или чуть побольше. Под тонким обтягивающим ее платьем угадывалось еще молодое, но уже чуть оплывшее тело.

– Меня зовут Этель, – мягко улыбнулась служанка. – Я буду вам прислуживать.

Билл хотел было встать и одеться, но служанка ходила по комнате, что-то поправляя и казалось, не собиралась никуда уходить.

– Вам что-нибудь нужно, господин? – поинтересовалась она и как-то странно посмотрела на Билла.

– Вы можете быть свободны, – сказал он. – Я оденусь и позову вас.

– Разве я вам мешаю? – неожиданно произнесла она и снова бросила на него странный взгляд. Он был одновременно спокойным и призывным.

От этого взгляда Биллу стало не по себе. Но он скрыл свое смущение и усмехнулся:

– У вас всегда мужчины одеваются при женщинах?

– Настоящие мужчины – да, – ответила Этель и, подойдя к его кровати и присев на нее, положила свою мягкую руку на его. – Разве хозяин не сказал вам, что в этом доме вам не надо задавать лишние вопросы?

– Нет, не сказал, – признался Билл, не зная как ему себя вести.

Но тут Этель улыбнулась и вдруг, взявшись за край простыни, стала медленно стягивать ее с Билла.

Он стал сопротивляться, она отпустила простыню, с улыбкой наклонившись к нему, так, что в вырезе платья стала видна ложбинка между двумя округлыми смуглыми грудями, и прошептала:

– Не бойтесь меня, молодой господин, я не кусаюсь. По крайней мере, до того, как добегу до конца, – рассмеялась она.

– До какого конца? – не понял ее Билл.

– Вот до этого, – отозвалась она и стала медленно расстегивать пуговицы платья, все больше и больше обнажая нежную кожу грудей.

От этого зрелища у Билла закружилась голова. Он хотел отвернуться, но не смог пересилить себя, пожирая глазами обнажающееся перед ним тело молодой женщины. Наконец Этель расстегнула последнюю пуговичку и, нагнувшись к Биллу и взяв его руку в свою, положила ее на свою обнажившуюся грудь.

– Вы всегда такой робкий? – прошептала она, блестя глазами, и вдруг провела второй рукой по его телу, все еще накрытому простыней.

И тут он почувствовал, как его начинает охватывать возбуждение. И он обнял ее и стал страстно целовать в губы, в плечи, в тяжелые прекрасные налитые соком молодости груди...

– Тебе понравился утренний моцион? – поинтересовался хозяин дома за ужином.

Билл смутился и ничего не ответил.

– Вижу, что понравился, – произнес хозяин дома. – Я позволил себе послать к тебе милую Этель поиграть в эту игру для того, чтобы ты понял, что ты хочешь.

– Да я и сам этого не знаю, – признался Билл.

– Какие же женщины тебе нравятся?

– Они мне все нравятся, – Билл в смущении опустил голову.

– А как насчет Этель? Она пришлась тебе по вкусу?

Билл смущенно молчал.

– Тебе надо было разрядиться, – сказал Ганс. – И насколько я понимаю, тебе это удалось. И даже не раз. Жил когда-то один француз. Звали Его Никола Шамфор. Однажды он сказал очень верные, на мой взгляд, слова: «Наслаждайся и дари наслаждения, не причиняя зла ни себе, ни другим – в этом заключается суть нравственности». Ты не согласен?

– Не знаю, – признался Билл. – Я как-то об этом не думал.

– А ты подумай. Эти слова стоят этого.

Некоторое время они молчали. Потом Ганс сел в стоящее в углу столовой кресло, откинулся и произнес задумчиво:

– Знаешь, я часто думаю вот о чем. Почему сотни и тысячи лет Индия или Китай говорили о любви открыто, а Европа наложила на всё запрет? И кстати, с тех пор в этом вопросе по сути не открыли почти ничего нового. Разве в «Камасутре» индийского мудреца Ватсьяны или в «Душистом саде» не сказано всё или почти всё?

– Вы хотите сказать, что раньше люди знали обо всем этом больше, чем теперь?

– Несомненно. Да по сравнению с Индией до рождения Христа или Японией какого-нибудь десятого века мы просто шарим в темноте. Поверь мне на слово – все лучшие руководства по любви написаны задолго до того, как Карл Великий появился на свет. И написаны куда более красивым языком, чем нынешние. А любовь... ею надо наслаждаться, а не испытывать постоянные угрызения совести по поводу полового возбуждения. Бог Эрос – величайший из всех богов. И некоторые люди верно служат ему, служат любовью во всех ее проявлениях. Увы, таких меньшинство, к тому же их презирают и гонят те, кто называет себя большинством. Один из этого меньшинства сейчас перед тобой.

– Но не может же большинство ошибаться!

– Вот как? – рассмеялся хозяин дома. – А разве не большинство травило Галилея и Джордано Бруно? Разве раньше не считали землю плоской, а солнце вращающимся вокруг Земли? Большинство! – Ганс скривил губы. – Большинство это толпа. Увы, наше сегодня безраздельно принадлежит толпе. Если ты ищешь в толпе самого себя – не обманывайся. В ней ты найдешь только суету и вопли. Она затопчет в тебе все, что составляет твою индивидуальность, отучит тебя любви и к самому себе и ко всему чувственному.

– Но это же эгоизм! – воскликнул Билл. – Вы призываете меня стать эгоистом?

– Нет, просто тебе надо научиться легко и просто любить себя, а это высшая наука. Ибо научиться любить себя самого без истерики и излишнего самолюбования – из всех искусств самое тонкое, самое сложное и поэтому требует больше других терпения.

– И тогда я стану счастливым?

– По крайней мере, у тебя будет на это шанс. А в толпе точно нет. Вот ты, что ты хочешь больше всего на свете?

– Жить сам по себе, – признался Билл.

– А любить?

– Кто же этого не хочет?

– Тот, кто не знает что такое любовь.

– Что же такое любовь?

– Если хочешь это понять – оставайся у меня. В этих стенах на этот вопрос пытались ответить многие, но не всем удавалось.

– А что это за дом?

– Не знаю. Я купил его много лет назад у одного португальца. И, будучи его хозяином, пытаюсь помочь другим найти в нем себя самих. Не даром же меня зовут в этих стенах Властелином. По сути это так и есть. Но вопрос не в этом, вопрос в том – властелин ли ты себе самому. Сейчас для тебя самое главное – постичь свою суть. Нигде в мире не будешь ты так свободен в своем выборе и в своих поступках, как здесь. Поэтому пользуйся моим гостеприимством и ищи того, что ты хочешь.

– Или ту.

– А вот с этим будь осторожен. Сначала научись по-настоящему радоваться жизни. Именно плотской, телесной жизни. Простой, непритязательной и доступной как наша Этель. И не строй философии на пустом месте. Сначала познай всё, а потом уже и мудрствуй. Главное – не беги к ближнему, спасаясь от самого себя. Сначала оцени себя по достоинству, полюби себя, а потом уже смотри на других. Помни – нелюбовь к самому себе и делает из нашей жизни тюрьму. И еще помни, что стадо всегда будет говорить тебе: «Всякое твое уединение есть опасность и грех». Ты, лично ты принадлежишь себе или стаду?

– Себе.

– Ну, вот и хорошо. Но как удивительно мы устроены. Когда у нас огромный выбор – мы воротим нос, придираемся к мелочам, а когда нам просто хочется женщину после ее долгого отсутствия, то радуемся любой, какая только нам не попадется.

– Когда голодаешь, то уже не до деликатесов, – заметил Билл. – По себе знаю. Тут каждому куску хлеба радуешься.

– Да, разумеется, это так, – согласился с ним хозяин дома. – И даже Этель показалась тебе богиней, правда ведь?

– Сначала не очень, а потом... – Билл запнулся, подыскивая нужное слово.

– А потом в самый раз? – усмехнулся его собеседник, внимательно глядя на него. – Конечно, у нее уже нет этих задранных вверх сосков на плотных грудях, да и сами вместилища женского молока уже не те, что были в юности. И ее мишень Венеры не так молода, не правда ли?

Билл согласно кивнул головой.

– Но почему-то ведь тебя это не остановило?

Билл молчал. Да и что он мог сказать? Ведь не будет же он признаваться, что тогда, несколько часов тому назад, ему очень хотелось женщину, просто женщину, любую, и не обязательно юную красавицу с осиной талией и свежей упругой кожей.

Властелин как будто читал его мысли, он посмотрел на Билла внимательным долгим взглядом и произнес:

– Этель не самая красивая женщина из тех, кого мы с тобой видели. Но почему-то рядом именно с такой женщиной всегда чувствуешь себя в безопасности. Она не переметнется к другому, не станет капризничать. Вообще с ней проще и чище, если так можно сказать. И всегда чувствуешь, что она словно тебе мать, а не просто любовница. Хвала небу, что на свете еще не перевелись такие женщины. А сколько при этом им лет, и как они выглядят – не имеет никакого значения. Или я неправ?

– Правы, – согласился с ним Билл. – Просто у меня не получается так хорошо сказать. И странно. Я ведь в первые минуты даже и не думал о ней как о женщине для любви. Но потом все изменилось.

– В этом нет ничего постыдного, – успокоил его Властелин. – Ибо твоя страсть должна была отдать тебя в руки той, кто мог в этот момент ее утолить. Только в этом случае у тебя, наконец, появилась возможность погасить хотя бы на время это бушующее пламя... Хотя бы

на время... Да по-другому и быть не может. Иначе бы мы все сгорели в адском неуголимом огне. Да разве есть другой выход?

– У вас, наверное, женщин было полным-полно, – предположил Билл.

– Знаешь, если честно, то я смутно помню свою двадцатую женщину и уже совсем не помню пятидесятую, но всегда буду помнить первую. Разве могу я позабыть ту страстную благодарность, какую испытывал к ней за ее доброту? О, никогда! Лично я и сейчас помню все до самой последней мелочи. О, какое это было блаженство! А ты помнишь ту, кого в первый раз взял за талию? А к чьей груди или попке ты первый раз прикоснулся? Как много все-таки значит первый чувственный опыт! Но он хоть и прекрасен, но одновременно и опасен.

– Почему? – удивился Билл.

– Потому что слишком фиксирует нас на предмете первого удовольствия. И мы невольно сравниваем всех последующих с ней, с первой. Но я вижу, ты хотел мне что-то сказать...

– Хотел, но... – бил осекся на полуслове.

– Говори смело – ни один твой вопрос не останется без ответа.

– Честно сказать, я боюсь, – признался Билл.

– Люди не должны ничего бояться, они должны знать и уметь все, чтобы вместе наслаждаться этим дивным чудом близости.

– Я не этого боюсь, – сказал Билл. – Я боюсь того... что... а вдруг я не встречу другую, которая будет лучше... – Билл осекся.

– Чем кто?

– Чем Этель.

– Она что, первая женщина у тебя? – поинтересовался Ганс.

Бил молча кивнул. Он был смущен, что его собеседник так легко догадался об этом.

– Ладно, не думай об этом. Я возьму решение этого вопроса на себя. Ведь я твой должник. Я вот что тебе скажу: к сожалению, для нас слишком часто первая женщина остается единственной. Особенно, если ты познаешь ее в юные годы. Хочешь, я расскажу, как могла бы пройти твоя жизнь, если ты влюбишься в Этель по-настоящему? Скорее всего, поначалу ты будешь ходить как шальной от страсти, сердце твое будет колотиться, а с губ срываться нечто вроде: «Милая! Милая! Я тебя люблю, люблю, люблю!» И она поломается, поломается и вполне может быть и даст согласие стать твоей супругой. Тут-то и случится с тобой беда, какая случается с теми, кто женится на первой женщине, давшей в себя войти.

– Но почему это беда? Что тут плохого?

– Очень скоро или не очень скоро, что еще более прискорбно, ты поймешь, что тебе становится с ней скучно, что все твои пылкие фантазии так и остались нереализованными, что на свете еще слишком много такого, что тебе хочется. К тому же тебе не о чем будет с ней говорить, когда вы вылезете из постели. Потому что вы очень разные. Этель женщина, конечно, хорошая, но поверь – большим умом не блещет. Да и потенциала роста в ней нет. Так что та, ради близости с которой ты уже готов на все, включая женитьбу, вполне скоро станет для тебя сначала безразлична, а потом бы ты ее возненавидишь. Ведь она лишила бы тебя всего того, что мог бы ты испытать, не женившись на ней так скоропалительно.

– Я бы мог найти себе любовницу.

– А любовь? Я ведь говорю не о супружеском долге, а о любви. «Законный поцелуй не может сравниться с поцелуем украдкой». Это Мопассан сказал, а он знал толк в таких вещах.

– Выходит не стоит вообще жениться?

– А это смотря на ком. Заранее предупреждаю тебя по-отцовски: ты, конечно же, можешь найти девушку или женщину, о которой мечтаешь, добиться ее симпатии и даже завоевать ее, однако ты можешь сближаться с ней в сотый и даже в тысячный раз, но так и не понять ее.

– Да, женщины для меня загадочные существа, – признался Билл.

– Все загадки женщины имеют одну-единственную разгадку – беременность.

– Но разве люди сближаются только для этого? Не знаю как у других, но мне женщина нужна только для плотской любви. Я ни о каких детях не думаю. Пока, по крайней мере.

– Запомни хорошенько: мужчина для женщины есть только средство. Ее целью всегда бывает ребенок. Это ее инстинкт. И никуда от этого деться нельзя.

– А разве не бывает настоящая любовь? Или просто дружба?

– Редкая женщина способна к дружбе: обычно она знает только любовь.

– Ну, вот видите. Значит, любовь все-таки бывает.

– Бывает. Но с ее стороны только ради продолжения рода. Женщины все еще кошки. Или в лучшем случае коровы.

– А мне кажется, что любить – это находить счастье в другом, и особенно в его счастье.

– В тебе еще говорит юность.

– Во мне говорит мужчина, – вдруг неожиданно даже для себя самого заявил Билл твердо и решительно.

– Мой мальчик, мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина для отдохновения мужчины. Все остальное безумство.

– Я не вижу в войне никакого счастья, – заверил Властелина Билл.

– Хорошо, скажем по-другому, – улыбнулся хозяин дома. – Счастье мужчины называется: Я ХОЧУ. Счастье женщины: ОН ХОЧЕТ. Так что не забудь плетку, когда отправишься в долгое путешествие за своей единственной. Иначе в поисках служанки и добродетельного ангела ты одним махом сам станешь служанкой женщины, и теперь тебе самому надо будет стать ангелом, чтобы удовлетворить ее прихоти. Вот и вся любовь.

– А мне кажется, что любовь это факел, который должен светить нам с ней путь к счастью.

– На этом пути единственное, что ты сможешь после себя оставить – это потомство.

– А разве это плохо?

– Не знаю, но, по-моему, что волшебный сад супружества должен помочь нам не размножаться, не расти вширь, а расти ввысь, к небу. Не оттого ли люди сокрушают браки, что браки сокрушают людей, не дают им развиваться?

– А почему нельзя развиваться вместе? Что плохого, если двое идут одной дорогой?

– В разные стороны? – усмехнулся Властелин.

– Нет, в одну.

– Такого в браке практически не бывает, ибо брак это маленькая тюрьма, где обоим супругам одинаково плохо. Хотя, если жена будет тебе другом и не станет ревновать к каждой юбке, то можно и попробовать. Но придется всегда быть начеку. И ни в коем случае не терять головы. Брак это что твоя крепость. Находящиеся внутри мечтают вырваться наружу, находящиеся снаружи мечтают очутиться внутри. Ну да ладно, хватит об этом. Живи, радуйся всему, что есть в этом доме. Ну и, разумеется, наслаждайся близостью с Этель и дари ей наслаждение тоже. Кстати, на столике в твоей комнате, я положил несколько интересных, на мой взгляд, книг. Почитай что-нибудь на сон грядущий, а там как судьбе будет угодно. Во всяком случае, будь как дома. И жди новых сюрпризов.

Наступил вечер. Билл лежал у себя в комнате с книгой и читал историю индейцев Южной Америки. Книга была и вправду интересная и содержала в себе множество подробных описаний того, что происходило в этих краях с незапамятных времен.

Поздно вечером к нему заглянула Этель.

– Я уже все сделал по дому, – сказала она просто и улыбнулась Биллу. – Ты как насчет того, чтобы я осталась здесь до утра?

Не встретив возражений с его стороны, она быстро разделась и забралась к нему в постель...

Следующий день не принес ничего нового. За ним прошел второй, третий. Билл бродил по огромному тихому дому, по его окрестностям, и стал ловить себя на мысли, что ему скучно.

Ночью в любовных утехх с Этель, которая приходила к нему постоянно, он еще как-то развлекался. Но утром думал: «Может быть, Властелин забыл о своем обещании новых сюрпризов?». Несколько раз, когда они с Гансом встречались за завтраком, обедом или ужином, он хотел спросить своего покровителя об этом, но никак не решался.

И вот однажды рано утром его разбудил звук подъехавшего к дому автомобиля. Он встал с постели, подошел к окну и выглянул наружу. Но единственное, что он успел увидеть, это машину, скрывающуюся за углом дома. Кто приехал в ней – он не понял и вернулся к себе в постель, чьи шелковые ткани приятно ласкали его молодое тело, уже отдохнувшее и жаждущее новых наслаждений.

Глава 4. Семь заповедей счастья.

На следующий день ничего нового тоже не произошло.

Наконец Билл не выдержал и спросил хозяина дома за ужином:

– Вы мне говорили, что будет что-то новое.

– Что, поднаеда милая, но скучная барышня?

– Да как вам сказать... С ней, конечно, здорово, но...

– Я понимаю тебя. Потерпи. У тебя еще много будет всякого интересного впереди. И помни: тебе нужно научиться быть для женщины тем, кто заменит ей всех мужчин. Иначе ты будешь счастлив с ней только в день свадьбы и в день похорон.

– Кого будут хоронить? Ее или меня?

– Вот это хороший вопрос, мой мальчик! – рассмеялся Властелин. – Признаюсь честно: женщина до сих пор остается для меня загадкой.

– Для вас? – удивился Билл. – Я-то думал, что для вас в этом деле загадок нет.

– Есть, – признался его собеседник. – Но не так много как раньше. И вообще вся сложность в том, что женщина как бы по ту сторону добра и зла.

– Получается, что между женщинами нет никакой разницы и все они одинаковы?

– Почему же? Их можно различить. Например, по цвету волос или формам тела, – рассмеялся Властелин и добавил уже серьезно: – Впрочем, с возрастом и это не стало для меня большим различием. Единственное, что я знаю твердо: отношения с женщинами надо иметь, а не выяснять. Это одно из моих правил, которым я придерживаюсь.

– А остальные?

– Кроме этого ее внешность должна быть пристойная без макияжа, характер она должна иметь сносный, ну и проблески интеллекта, конечно, должны наличествовать. Только без мудрствований. Чрезмерно умные женщины либо страшно некрасивы, либо бесчувственны к ласкам. А зачем тогда они нам нужны? Поговорить на умные темы мы можем и с мужчинами.

– Я слышал, что бывают такие мужчины, которые любят только мужчин. Это правда?

– Истинная правда.

– Почему так происходит?

– Из-за многих причин. Если мужчина не может насытиться сотой женщиной, то он часто обращает свой взор на другого мужчину. Недаром сам Казанова увлекался женщинами, переодетыми в мужское платье. У некоторых слишком долго не было женщин – например, в армии или в тюрьме. Бывает, что и в детстве первое сближение было со сверстником. А детские воспоминания не так легко забыть.

– Вы сказали, что женщина находится по ту сторону добра и зла, – произнес Билл задумчиво. – А как же тогда быть с монахинями и святыми?

– Одна французская певица сказала: «Женщины отдаются Богу, когда дьявол уже не желает иметь с ними дело». Заметь, это женщина сказала о женщине. Веский аргумент, правда? – рассмеялся Властелин и добавил уже серьезным голосом:

– Вся сложность заключается в том, готов ли каждый из нас постичь истину.

– А в чем она заключается?

– В очень простом – найти СВОЮ женщину. Готов ли ты к испытаниям ради этого – вот вопрос.

– Если я скажу «да», вы расскажете мне, как мне найти свою женщину?

– Сейчас ты похож на торговца на базаре, – усмехнулся Властелин. – Всеу свое время. Ты слишком спешишь. Запомни: терпение – самая лучшая и самая трудная вещь на свете. Не научившись ждать своего часа, ты не научишься ничему путному.

– А вы нашли свою женщину?

Властелин ничего не ответил. Помолчав некоторое время, он поинтересовался:

– Тебе стало скучно у меня?

– Нет, – проговорил Билл, но в голосе его не было искренности.

– Вижу, что скучно. Но ты слишком торопишься. А в искусстве любви спешить не следует. Любовь, как и женщина, ждет от нас с тобой долгой прелюдии и ласки. Конечно, мужчина в состоянии взять женщину силой, но мы говорим о гармонии, а не о насилии.

– Научите меня всему, что я еще не знаю, – попросил Властелина Билл и даже привстал со стула, на котором сидел.

– Погоди, – остановил его хозяин дома. – Ты опять спешишь. А я еще о многом не успел тебе рассказать.

– Но жизнь такая короткая, а увидеть и узнать хочется так много.

– Ох уж эта горячность юности! – улыбнулся Властелин. – Ты должен понять одно – конечно, тебе может повезти, и ты встретишь ту, о которой мечтал. И поначалу ты будешь страстно любить ее. Вопрос не в этом. Вопрос в том, что ты будешь испытывать в сотый, а что еще важнее, в тысячный раз. Если одна и та же женщина будет приводить тебя к полному удовлетворению в тысячный раз, то это и есть ваше счастье. Но не у всех бывает так.

– Что же тогда делать?

– Искать новизны.

– С другой женщиной?

– Лучше со своей возлюбленной. Иначе ты просто будешь бросаться от одной женщины к другой в поисках того, что можешь получить с одной-единственной. Если только не ошибешься в выборе и научишься разнообразить свою жизнь. Любовь это естественный порядок вещей. А потому не надо быть ни похотливым, ни застенчивым. Обе эти крайности вредны. Ведь половой акт это лишь часть порядка в природе, поэтому разве можно его называть грехом или нарушением морали?

– Но почему тогда все называют это грехом? Пить грех, есть грех, любить грех. Что же тогда не грех?

– Все это выдумки зануд, у которых вечные проблемы с удовлетворением. Поверь: нет никакой границы между земными и небесными радостями. Не нужно только скатываться к скотству. Что остается нам, если отнять любовь?

– Скука, – отозвался Билл.

– А еще ожидание смерти. А я предлагаю людям путь к спасению. Путь легкий и одновременно приятный. Что может быть более прискорбной картиной, чем постоянно неудовлетворенная женщина рядом с вечно мягким мужским орудием? И это наши моралисты называют идеалом цивилизации!

– А что идеал для вас?

– Когда мужчина контролирует себя. Тогда он может наслаждаться любовью, сколько ему захочется и всегда удовлетворять женщину. Главное – помнить семь заповедей, которые сделают человека счастливым. Или, по крайней мере, не дадут пропасть в том самом месте между ног женщины, куда мы все так стремимся. Поверь мне, треугольник женских волос это не шутка, из-за него сгнуло без следа мужчин больше, чем во всех войнах вместе взятых. Так что навык любить – одна из самых трудных вещей в жизни.

– В каком смысле? Трудно закрывать глаза на недостатки любимого человека?

– И это тоже. Но главное – надо научиться любить других не в ущерб себе. Всё хорошо в меру. Иначе нас ждет беда. Как говорил Будда Шакьямуни: «Любая привязанность рождает только разочарования». Рано или поздно, любой приходит к этому. Чаще всего с помощью такого универсального средства, как грабли. Поэтому никогда, запомни, никогда и ни при каких обстоятельствах не позволяй себе любить кого-то больше, чем себя самого.

– Вы говорите об эгоизме?

– Нет, это не про эгоизм. Любить себя – это значит уважать себя, ценить себя, чувствовать себя комфортно в одиночестве, не требовать от других любви и заботы, не быть зависимым от других. Ведь когда мы зависимы от других, то стоит только этим другим уйти от нас, мы рушимся.

– А если они не уйдут, если будут с нами, то нам ведь ничего не угрожает.

– Уйти от нас не всегда значит предать нас, иногда это значит умереть. Как было у меня. Обе мои горячо любимые мною жены умерли преждевременно. И это чуть не убило меня. Когда я дважды выполз из этого ада, я решил – чтобы это больше не повторилось, надо любить близких, любить от всего сердца, но любить меньше, чем себя. Чтобы не было претензий, обид, разочарований и зависимости от другого человека. И страшной горечи в случае смерти любимых людей.

– Легко сказать, но трудно сделать.

– А кто тебе сказал, что жизнь – это сплошной праздник и что в ней все дается легко и просто? Ко всему этому нужно прийти. И путь этот будет очень и очень трудным. Но это единственное условие счастливого существования в этом несовершенном мире. Без него ты погибнешь как чуть не погиб я, пока не понял что к чему. Это про то, как быть самим собой, как быть самодостаточным и ни от кого не зависеть ни в чем. Так что люби в первую очередь себя. И благодарные найдутся.

– И все-таки я сомневаюсь... – проговорил Билл.

– Это естественно. Человеку мыслящему свойственно сомневаться. Это только для дураков всё с самого начала просто и понятно. А умный обычно по большому счету сомневается два раза в жизни: сначала в юности он не знает, каким надо быть, как надо жить, кому надо подражать, с кого брать пример. А потом, во второй половине жизни человек терзается мыслью: а правильно ли я жил и живу и не поздно ли все изменить?

– Мне надо подумать над вашими словами, – сказал Билл. – Мне трудно вот так взять и всё в себе переделать.

– Подумай, но только не затягивай с этим. А то получится, что сегодня нам не хочется ни о чем серьезном думать, завтра у нас нет времени, послезавтра у нас нет сил, а потом нас уже не будет. Поэтому ничего не откладывай на завтра, живи сейчас!

– Да как жить, если не понятно – для чего. По-моему, сначала надо найти смысл жизни, докопаться до ее сути, а уже потом строить разные умные планы и конструкции.

– Увы, пока мы ищем смысл жизни – она и закончится. Мой тебе совет: не надо искать истину в последней инстанции и всякий там особый смысл жизни. Все, к чему ты придешь, это то, что никакой истины нет. Так что лучше просто живи и наслаждайся жизнью, не задавая ей лишних вопросов. А смысл жизни... смысл жизни, на мой взгляд, в ее разнообразии. Так что живи и радуйся. Не причиняя, конечно, вреда окружающим и, разумеется, и себе тоже. Это единственное, что надо понять. А поняв – принять. А приняв – воплотить в реальность. Вот и всё и никакой зауми

– Я это понимаю, но вы сказали о каких-то заповедях счастья.

– Да, они помогут тебе уберечься от беды, когда ты будешь общаться с женщиной.

– А что это за заповеди?

– Что ж, слушай, если хочешь. Заповедь первая гласит: «Захоти всего».

– Это я понимаю.

– Тогда перейдем ко второй заповеди – «Попробуй всего». Ее ты пока еще только постигаешь.

– А третья?

– «Научись всему до конца». Тут тебе есть еще над чем поработать. Но думаю, под моим присмотром ты осилишь и ее.

– А дальше?

– Заповедь четвертая – «Осмысли всё пройденное». Когда ты исполнишь ее, то можешь приступить и к пятой: «Постигни свою суть». Поверь мне, это не так просто. Но когда ты поймешь, ЧТО и КТО ты есть на самом деле и к чему тебя влечет больше всего, ты сможешь перейти к шестой заповеди: «Возлюби себя больше других». И тогда ты поймешь смысл последней, седьмой заповеди – «Ради себя не прирастай сердцем ни к кому».

– А как же любовь?

– Ты хочешь кончить жизнь самоубийством?

– Нет, – признался Билл. – Но разве если полюбишь по-настоящему, обязательно кончишь самоубийством?

– И прожили они вместе долго и счастливо и умерли в один день, – с иронией проговорил Властелин. – Такое случается только в одном случае: когда она – это машина, а он – это ее водитель, и оба они рухнули в пропасть, – хозяин дома криво усмехнулся и встал.

– А если я все-таки найду ту, которую ищу? – не унимался Билл. – Разве такое не бывает?

– «Вот чего я нашел и чего не мог найти нигде: я нашел человека из тысячи и ни одной женщины из всех». Так говорил царь Соломон. А он был умнее, чем я и ты вместе взятые. Только его никто не хотел слушать.

С этими словами Властелин поднялся с кресла, вздохнул, попрощался с Биллом и направился к выходу из комнаты. Едва он открыл дверь, как столкнулся нос к носу со слугой. Тот нагнулся к уху хозяина и что-то зашептал. Властелин удивленно вздернул брови и посмотрел на слугу:

– Когда?

– Только что, – тихо произнес тот.

И оба они быстро пошли прочь. Однако Билл вдруг почувствовал какое-то волнение, которое передалось ему от этого короткого разговора Властелина и его слуги. Он встал и подошел к двери в коридор. Но за ней была полная тишина. Только за окном комнаты в непроглядной тьме кричала какая-то незнакомая Биллу ночная птица. И крик этот был ему ужасно неприятен.

Глава 5. Ночной гость.

Вечером к нему опять заявила Этель. И по-хозяйски, не спрашивая у него, хочется ли ему близости с ней или нет, стала снимать одежду, едва переступив порог его комнаты.

Это его разозлило. Она ему что, жена? И он попросил ее уйти. Она удивленно посмотрела на него, но ничего не сказала, быстро оделась и удалилась с обидой на лице.

Но ему было не до Этель. Сегодняшний взволнованный короткий разговор между Гансом и его слугой никак не шел у него из головы.

В эту ночь Биллу никак не удавалось заснуть. Он все еще бодрствовал, когда за стеной послышались чьи-то приглушенные голоса. Билл встал, отодвинул в сторону висящую на стене картину и заглянул внутрь соседней комнаты через проделанное в стене отверстие. Билл обнаружил его днем раньше, когда поздно вечером заметил идущий в его комнату свет из соседнего помещения.

В стоящих друг напротив друга глубоких креслах сидели Властелин и незнакомый Биллу молодой мужчина со смуглым обветренным лицом, чем-то неуловимо похожий на хозяина дома.

– Ничего-то ты не понимаешь в любви, – произнес незнакомец.

– Да неужели? – усмехнулся Властелин. – Ты хочешь разубедить меня в том, что любовь подобна эпидемической болезни? А я по-прежнему считаю, что она это все равно, что желтуха или корь. Чем больше мы ее боимся, тем мы перед ней беззащитнее. И чем позже она к нам приходит, тем опаснее. Любовь не просто отравы, она – яд, тем более опасный, что поначалу он даже приятен. И нет против нее никакого противоядия. Уверю тебя, я испробовал все противоядия против нее. И не нашел ни одного надежного.

– Все, кроме любви.

– Предлагаешь мне выбить клин клином?

– Предлагаю просто любить.

– Спасибо! – усмехнулся Властелин. – Я уже попробовал потерять голову. А чем это кончилось?

– Не надо абсолютизировать свой опыт. Одного-двух браков для этого мало, поверь мне.

– Брак! Ох уж эта бедность души вдвоем, эта грязь и жалкое довольство собою! И они еще мне говорят, что брак освящен небом! А это лишь спутанные сетью брака звери. Так что пусть подальше от меня останется тот бог, который благословляет то, чего он не соединял.

– Попробовал бы еще раз, может, больше бы повезло.

– Пробовал.

– По расчету или по любви?

– Опять ты про любовь! Любовь так ослепляет, что кажущаяся нам надежная дорога оказывается на самом деле самой опасной. Особенно когда это касается красивой женщины.

– Твоя вторая жена была красавицей?

– Да. А красивая женщина что твой город. Его легко взять, да вот удержать трудно. А больше всего опасны даже не красивые женщины, а умные.

– Умные? – удивился собеседник Властелина. – Почему?

– Да потому что умные женщины любят, когда мы делаем для них дорогие глупости. Только вот любят при этом они не того, кто эти глупости для них делает, а самых отъявленных негодяев.

– К которым ты себя, конечно же, не относишь?

– Почему же не отношу? Отношу. Но видит Бог – раньше я был совсем другим. Вот ты стал таким спокойным, мудрым, доволен жизнью. Тогда ответь – почему овца ничего не требует от барана, который ее покрывает? Почему кот ничего не платит за случку с кошкой? Одна

только женщина живет на наши деньги. Особенно если она умна. Тогда это может продлиться до нашей смерти.

– Ты стал бояться умных женщин?

– Да что такое этот их ум как не банальная изворотливая хитрость? У меня была возможность удостовериться, что у обычной женщины ума столько, сколько у курицы. А у необыкновенной – сколько у двух.

– Я думаю, что ты сказал это сгоряча.

– Это не я сказал, а Конфуций. Не думаю, что он сильно ошибался. Если бы ты видел, как моя вторая жена бегала за мной до замужества!

– Порядочная женщина никогда не бежит за мужчиной.

– Конечно. Ты когда-нибудь видел, чтобы капкан бегала за дичью? А когда капкан захлопывается, его хозяйке оказывается необходим молодой любовник, почитатель для того, чтобы ее развлекать, да вдобавок идиот муж, который на все это плюет или просто ни черта не видит, да еще и оплачивает услуги первых двух. Я побывал на всех этих ролях и последняя нравится мне меньше всего.

– Выходит, теперь ты предпочитаешь быть капканом?

– А ты считаешь, что лучше бегать и вымаливать один-единственный поцелуй, как это было со мной в первый раз?

– Да уж, тогда ты был как теленок на привязи.

– И долго бы оставался таким, если бы вовремя не понял, что любовь это просто вор в женском обличии – она ненадолго делает нас счастливыми, а потом сотней способов делает нас несчастными.

– Если мы ставим не на ту женщину.

– Не на ту! А разве между ними есть разница? Они же прекрасно видят, что мы всегда врем о высоких чувствах. Возьми поэзию, живопись, скульптуру, всех этих голых наяд и венер – они прекрасно понимают, что нам нужно только их тело. Раз раздвинув ноги, они потом требуют за это все больше и больше, а под конец раздевают нас догола, оставляя без гроша.

– Настоящая любовь ничего не требует, она всегда дает.

– А потом мы отдаем ей все: свою любовь, труд, силы, деньги. И что взамен? Есть ли на свете хоть одна жена, которая не дает повода раскисать каждый день, что мы женаты и завидовать тем, кто свободен?

– Есть и не одна. К счастью у меня всегда так было.

– А у меня все было как раз наоборот. Первый раз я был действительно теленком. Ты это сам видел. Но потом я решил: все, хватит, сделаю наоборот. Я вышел один, как герой, искать истины, а в конце добыл себе маленькую смазливую ложь. Поверь мне: любовь всегда оказывается игрой, в которой женщины только и делают, что лгут.

– Я так не считаю.

– Значит, ты еще не всё в них понял.

– Всё.

– А я уверяю тебя, что рано или поздно они тебя обведут вокруг пальца. Это всего лишь дело времени. На небе больше звезд, чем у женщины способов нас обмануть. Да, однажды она отдастся нам, при этом говоря удивительные вещи, которые кружат нам голову. Но мы слишком поздно спохватываемся, когда оказывается, что все, о чем они нам воркуют, написано на воде или на ветре.

– А я уверяю тебя, что есть женщины, чья душа чище белого снега.

– Который сразу превращается с их помощью в грязь. Если только не укротить ее сразу и не держать в ежовых рукавицах.

– Только надуманная любовь поддается укрощению, истинная любовь не слушает приказов и спастись от нее нельзя, ты это сам знаешь.

- Какой же выход?
- Найти ту, которую можно уважать.
- Не встречал такой. Да и зачем это мне? К счастью я стал настоящим мужчиной и понял, что вся эта слюнявая дребедень не по мне.
- Настоящим мужчиной? А что это такое?
- Когда хочешь только опасности и игры. Поэтому я и хочу женщину как самую опасную игру.
- Тогда она весь твой век будет тобой играть.
- Как сказал Экклезиаст: «Женщина – сеть, и сердце ее – силок, руки – оковы... Всякая хитрость ничтожна в сравнении с хитростью женщины». И это сущая правда. Хотя они иногда и похожи на ангелов.
- А может быть она тем и похожа на ангела, что утешает всех, кто нуждается в утешении? Что может быть прекраснее лица любимой или звука ее голоса? Что? Пока не будет этого, нам всегда будет с кем засыпать, да вот просыпаться будет не с кем.
- Ты снова призываешь меня потерять рассудок? Хватит, я уже вдоволь влюблялся и побывал в двух браках. Мне этого вполне хватило. А любовь... – Властелин замолчал, потом через минуту добавил: – Все бы хорошо, да вот только раны от любви если и не всегда убивают, то уж никогда не заживают. Знаешь, я предпочитаю помнить предостережение Будды.
- И что же это за предостережение?
- «Любовь к женщине острее крюка, которым укрощают диких слонов, горячее пламени; она подобна стреле, вонзающейся в душу человека». Так вот, мой дорогой Карл, двух стрел для меня хватило с избытком. Больше я уже не вынесу.
- Для чего же ты тогда живешь? Ведь не ради же денег?
- Я живу для любви.
- Для любви? – изумленным голосом проговорил собеседник Властелина.
- А что тут удивительного? Любовь для меня все еще сильнее смерти и даже самого страха смерти. Любовь для меня – всё. Я, конечно же, имею в виду любовь как чистую физиологию, а не душевный трепет. Последним я наелся по уши, а вот первым еще нет. Для меня любить – значит испытывать наслаждение, когда ты видишь, осязаешь, ощущаешь на как можно более близком расстоянии существо, к которому тебя влечет. Влечет здесь и сейчас. А что будет на следующее утро – мне до этого нет дела. Всё остальное – призраки, химеры и болтовня. Иной любви в природе нет.
- Любовь это любовь. Ты сам это знаешь не хуже меня. Просто у тебя не сложилась семейная жизнь. Однако не нужно распространять свой неудачный опыт на весь мир. Он тут ни при чем.
- Нет, не уверяй меня в обратном. Для меня брак был и остается заупокойной мессой по любви. Так что не женись, брат, если боишься одиночества.
- Ты опоздал, я уже женат. Я ведь тебе уже говорил об этом.
- И давно?
- В первый раз я женился через год после того, как мы расстались, а в последний – год тому назад.
- Выходит, и твой брачный опыт не столь удачен?
- Почему? Разве я говорил тебе, что развелся? У меня четыре жены и всех их я обожаю.
- Четыре? – В голосе Властелина послышалось удивление.
- Не вижу в этом ничего плохого. Там, где я живу, это вполне естественная вещь.
- И где же ты живешь?
- Гость Властелина что-то сказал, но тихо. Билл ничего не расслышал.
- И где это?

– Далеко отсюда. Очень далеко. Но уверяю тебя: стоит потратить месяц пути, чтобы увидеть это собственными глазами. Хотя это потребует от тебя самой большой отдачи.

– Не волнуйся, братец, я мужчина крепкий и умею много.

– Я говорю не о том, чтобы спариваться до бесконечности. Там нужна совсем другая работа.

– Работа? Нет, спасибо, мне и тут вполне сносно. Я уже достаточно наработался за свою жизнь, так что предпочитаю тратить время сосем на другое.

– Жаль, а то бы я пригласил тебя на свое место.

– Мне и тут женщин девать некуда.

– Я говорю не о женщинах.

– А о чем? Если о деньгах – то их у меня больше чем нужно. А если о власти – то я не властолюбец, сам знаешь.

– А как же все это великолепие вокруг? Все эти слуги и все такое?

– Это так, комфорт, не более того. Так что прости, я твоего предложения не приму и останусь у себя. А ты оставайся у себя.

– Если бы я мог.

– А что случилось? В ваших краях отменили многоженство? Или мошкара замучила?

– Нет, просто пора отдать бразды правления другому. Помоложе. У тебя никого нет на примете?

Воцарилась пауза, которая прервалась нескоро. Тишину нарушил голос Властелина:

– Такой человек есть.

– Кто он?

– Один молодой парень. Он мне спас жизнь, за это я привез его сюда и развлекаю, как могу.

– Он белый?

– Да, а что такое?

– Мне нужен только белый человек. И желательно блондин. Да вот где ты сейчас такого возьмешь?

– Тогда он точно тебе подойдет. Ведь у него не только светлая кожа, но и светлые волосы. Кстати, и душа тоже.

– А вот это уже интересно, – в голосе незнакомца послышалось волнение. – Слушай, а ты мог бы меня с ним познакомить?

– Да хоть завтра.

– Лучше сегодня, – твердо произнес незнакомец.

– Сегодня? – удивился Властелин.

– У меня слишком мало времени. Учти, если он согласится поехать со мной, то сможет избежать твоей участи. Я имею в виду разочарование в женском поле и крах иллюзий. Он может стать одним из самых счастливых людей, каких я только знаю.

– Ты это серьезно?

– Как никогда. Неужели ты думаешь, что я проделал Бог его знает какой путь только ради того, чтобы разыграть вас обоих? Уверяю тебя, что это не так. Поэтому давай-ка займемся всем этим как можно скорее. Лучше всего утром. А то я и так задержался в ваших краях. А мои люди остались без присмотра. Надеюсь, что мне удастся его уговорить пойти вместе со мной.

– И прервать учение?

– Ты учишь его своим премудростям?

– Я учу его не быть тряпкой, которую женщины засовывают себе между ног, когда у них там кровит. Жаль, если ты его уговоришь, он нескоро увидит женщину, с которой сможет лечь спать.

– Но зато рано или поздно обретет такую, с которой будет счастлив просыпаться по утрам. Мой вариант лучше твоего.

– Ладно, утром я поговорю с ним, – пообещал Властелин. – Бедный, он даже и не знает, что эта ночь может стать для него последней перед долгим воздержанием. Очень долгим.

С этими словами оба собеседника встали и покинули комнату.

Билл отпрянул от отверстия в стене и вернулся к себе в кровать. Он никак не мог заснуть, думая о разговоре двух человек за стеной. И тут он вдруг услышал, как в его дверь тихо постучали.

– Входите, я не сплю, – отозвался он на стук, думая, что это Властелин.

Но он ошибся. Это была Этель.

– Можно к вам, молодой кавалер? – проговорила она, проскользнув в комнату и прикрыв дверь.

– Можно, – кивнул он, несколько удивленный таким ее поздним визитом. – Чем тебе обязан?

– Зашла поведать, – улыбнулась гостя и, присев на край его кровати, погладила его по руке, как и в первый раз.

– Ты меня встречаешь, ты меня и провожаешь, – усмехнулся он, обхватив ее за талию и привлекая к себе. – Давай устроим прощальную ночь?

Когда утром в его спальню постучали, Билл открыл глаза. Рядом с ним никого не было. Этель исчезла. Тут стук в дверь повторился.

– Кто там? – спросил он сонным голосом.

– Билл, можно к тебе? – раздался за дверью голос Властелина.

– Конечно, – отозвался Билл.

– Прости, что разбудил, но у меня к тебе важное дело, – произнес хозяин дома, заходя в спальню Билла.

– Ничего страшного, – заверил его юноша и зевнул, прикрыв рот рукой.

– Можно с тобой поговорить? – поинтересовался Властелин, усаживаясь рядом с ним на краешек кровати.

– Пожалуйста, – разрешил Билл. – А о чем?

– О твоём будущем. Я имею в виду не деньги. Меня сейчас больше заботит твоя личная жизнь. Может быть, тебе удастся прожить ее лучше, чем я.

– А разве ваша жизнь плохая? – искренне удивился Билл. – По-моему вас здесь все любят. По крайней мере, в женщинах вы недостатка не испытываете.

– Как знать, как знать, – вдруг тяжело вздохнул его собеседник. – Все зависит от того, как на все это посмотреть. Скажи мне честно – чего ты хочешь от жизни больше всего? – он внимательно посмотрел на Билла. – Кроме денег и того, что они могут дать.

– Счастья, – признался Билл.

– Какого счастья? В чем оно для тебя?

– Иметь свое любимое дело. Возлюбленную. Ну и семью, конечно.

– Да, набор не из ряда вон выходящий, – улыбнулся Властелин. – Что ж, постараюсь тебе помочь. Но заранее предупреждаю по-отцовски, что ты можешь найти девушку или женщину, о которой мечтаешь, добиться ее симпатии и даже завоевать ее, однако ты можешь сближаться с ней в сотый и даже в тысячный раз, но так и не понять ее. А потом окажется, что все загадки женщины имеют одну-единственную разгадку – беременность.

– Но разве люди сближаются только для этого? Не знаю как у других, но мне женщина нужна только для любви.

– Запомни хорошенько: мужчина для женщины средство. Ее целью всегда бывает ребенок. Это ее инстинкт. И никуда от этого деться нельзя.

– А разве не бывает настоящая любовь? Или просто дружба?

– Редкая женщина способна к дружбе: обычно она знает только любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.